

ТРЕТИЙ ПЕРИОД

Январь-июль 1943 года: от конференции в Касабланке до июльского нападения на Сицилию; коалиция сохраняется, несмотря на разницу во взглядах на вторжение через Ла-Манш

Конференция в Касабланке: военные решения и вопрос безоговорочной капитуляции

Во время проведения конференции в Касабланке, начавшейся 12 января 1943 года, британская армия, пройдя через Триполи, двинулась дальше. Командующий армией на Ближнем Востоке генерал Александер своими донесениями убедил в необходимости продолжения операции с целью окончательного подчинения Средиземноморья. К этому времени русские окружили под Сталинградом 6-ю армию под командованием генерала Паулюса и развернули боевые действия по двум направлениям в районе среднего Дона. Теперь уже не приходилось опасаться, что Восточный фронт неожиданно потребует помощь с Запада.

Благодаря этим обстоятельствам американцы и британцы в Касабланке ухитрились урегулировать военные планы на ближайшее будущее, но оставили открытыми основные стратегические вопросы, ради которых, собственно, и затевалась эта встреча.

Вот в чем заключалась основная суть принятых на конференции решений.

1. Безопасность морских коммуникаций Британии будет обеспечиваться совместными усилиями. Потери, понесенные на протяжении 1942 года, оказались неожиданно высоки. Фельдмаршал Брук назвал нехватку судов «удушением всех атакующих операций».

2. Следует по-прежнему оказывать помощь советской армии, но без какого-либо принятия новых важных мер в этом вопросе.

3. Война в Северной Африке должна продолжаться до окончательной победы.

4. Одновременно должна начаться подготовка операции по захвату Сицилии (операция «Хаски») с тем, чтобы начать эту акцию как можно быстрее. Американские начальники штабов были вынуждены согласиться с этим решением. Маршалл особенно боялся, что, не добившись никаких окончательных результатов, это тем не менее может остановить запланированную высадку во Франции, но его убедили, что лучшего применения силы в 1943 году уже не найти. Приведенные британским штабом факты доказывали, что любое усилие, связанное с форсированием Ла-Манша, предпринятое летом 1943 года, в лучшем случае будет слишком незначительным, чтобы оказать существенное влияние на ход сухопутных сражений в Европе, а в худшем случае может повлечь такие губительные последствия, что дальнейшие попытки предпринять высадку окажутся просто невозможными. В отличие от этого существовали абсолютно обоснованные причины для нападения на Сицилию. Но в мозгу Черчилля засела уверенность в том, что операция в Средиземном море поможет вывести Италию из войны, взяв в свои руки управление Балканами, и заставит немцев привлечь большее количество дивизий для защиты Италии. Маршалл сдался, однако заявил, что делает это, поскольку «больше всего стремится к прекращению проведения бесконечных операций в Средиземноморье и рассчитывает, что Северная Франция будет являться сценой основных действий, направленных против Германии».

5. Следует увеличить совместные стратегические бомбардировки Германии, объединив американскую программу дневных с британской программой ночных бомбардировок. Такая усиленная атака необходима для того, чтобы ослабить воздушный флот Германии и лишить ее способности оказать сопротивление вторжению через Ла-Манш.

6. Следует продолжать сосредоточение сил на территории Великобритании для

нанесения удара по Германии. Подготовка вторжения, более крупномасштабного и быстрого, чем остальные операции, начнется сразу же, как только станет возможно. Наиболее убедительным, в отличие от непонятого расходования ресурсов для осуществления вторжения на континент, явилось соглашение, согласно которому в Лондоне немедленно учреждалась совместная организация по управлению и планированию («Коссак»). Она должна была разработать программу повторного вторжения в Западную Европу: в 1943 году, если Германия приблизится к окончательному краху, или для того, чтобы вбить первый клин для окончательного вторжения в 1944 году. Таким образом, результатом начатого планирования явилась операция «Оверлорд», затем последовало назначение Эйзенхауэра на должность верховного главнокомандующего, а в феврале 1943 года был учрежден объединенный командный штаб.

7. Открытым остался вопрос о проведении дальнейших действий в Тихом океане, решение по которому мог принять Комитет начальников штабов Соединенных Штатов. При решении этого вопроса следовало действовать крайне осторожно, чтобы у союзников не создалось впечатления, что для победы над Германией в 1943 году хороши любые средства. Соглашаясь даже на такой осмотрительный шаг, британский штаб действовал вразрез с собственным мнением. Британцы не видели никаких оснований для начала этой весной наступления против Японии. Они считали, что попытка подобных действий может исчерпать ресурсы, необходимые для продолжения борьбы в Европе, и не предполагали, что Филиппины, на которые американцы уже положили глаз, могут быть захвачены еще до окончательного разгрома Германии. Однако американцы были уверены: нельзя позволить японцам укрепить свое положение в Тихом океане и оттуда готовить новые наступления. Адмирал Кинг пытался доказать британцам, что лишь пятнадцать процентов союзнических ресурсов задействовано на тихоокеанском театре военных действий. Им с Маршаллом хотелось вдвое увеличить эту цифру.

В своих угрозах они пошли еще дальше, заявив, что если в Тихоокеанском регионе не будет оставлено достаточное количество ресурсов, то Соединенным Штатам, к великому сожалению, придется приостановить выполнение своих обязательств на европейском театре войны. Но они соглашались урегулировать этот вопрос в том случае, если в течение года в Тихом океане будут проводиться различные операции с помощью имеющихся в их распоряжении ресурсов, находящихся на тихоокеанском театре, включающие большую часть американских самолетов, грузовых кораблей и десантных судов.

Согласно этой договоренности в 1943 году американская и австралийская армии отправились с Гуадалканала и Новой Гвинеи через море Бисмарка на северо-запад, к островам Трук и Гуам, с целью захвата (или изоляции) японской базы в Рабауле.

8. Усилие, направленное в 1943 году на возврат Бирмы, которое открывало путь в Китай, было предварительно одобрено. Темой дальнейших обсуждений послужило наступление на севере Бирмы и десантная операция на юге с целью возврата порта Рангун. Но вскоре после окончания конференции стало очевидно, что Черчилль упорно сопротивляется проведению этой рискованной операции. Следовало безотлагательно усилить американские военно-воздушные силы в Китае, существенно увеличить количество транспортных самолетов, совершающих полеты по опасному маршруту над Гималаями из Индии в Китай. Все эти меры были необходимы для того, чтобы удержать Китай в войне. Рузвельту хотелось бы сделать еще больше. Чан Кайши считал, что мер слишком мало.

Эта компромиссная программа, состоящая из многих пунктов, давала определенную свободу действий. Одним словом, принятые в Касабланке решения означали следующее:

– судьба стран по обе стороны Средиземного моря будет находиться в руках Америки и Британии;

– Италия должна подвергнуться силе удара, который разрушит ее до основания, и она капитулирует первой из стран Оси;

– советская армия, несмотря на незначительную помощь со стороны союзников, оказалась перед необходимостью нести на себе основную тяжесть войны и в 1943 году;

– американский Комитет начальников штабов должен сохранить право контролировать принятие военных решений на юго-западе и в центре тихоокеанского театра.

Если это было все, о чем говорилось и что было сделано в отношении планирования военных операций, то конференция в Касабланке не должна была занять сколько-нибудь значительного места в истории войны и коалиции. Строго говоря, на конференции следовало провести предварительный анализ осуществленных военных операций. Но что сделало столь незабываемой эту конференцию, так это провозглашение стратегии «безусловной капитуляции». Членам Оси объяснили, что Соединенные Штаты и Великобритания не собираются вести с ними переговоры относительно условий окончания войны, а исходя из чувства справедливости и доброжелательности в отношении народов, лидеров которых они стремились низвергнуть, будут сами принимать решения. Впоследствии побежденным государствам было совершенно откровенно сказано, что это делалось не в качестве акта возмездия, а для того, чтобы безоговорочность капитуляции была столь же очевидной, как и их поражение.

До появления подробных отчетов о конференции могло сложиться ложное впечатление от выступления Рузвельта в отношении предложенной стратегии, хотя его речь была результатом предварительного обсуждения. Советники президента были не просто осведомлены о сущности выступления президента, а принимали участие в разработке этой доктрины.

Уже в апреле – мае 1942 года один из подкомитетов, образованный под эгидой Государственного департамента и названный подкомитетом по проблемам безопасности, приступил к рассмотрению вопросов, которые возникнут в том случае, если вражеские государства изъявят желание прекратить военные действия. Председателем этого подкомитета стал Норман Дэвис, бывший посол по особым поручениям и доверенное лицо государственного секретаря Хэлла. Генерал Джордж У. Стрэнг и адмирал А.Дж. Хербурн (или адмирал Р.Е. Трайн) входили в подкомитет в качестве представителей армии и военно-морского флота. Соединенные Штаты вступили в войну только по той причине, что не удалось добиться безоговорочной капитуляции Германии в Первой мировой войне; это мнение занимало господствующее положение во вновь созданном подкомитете. В результате появился документ, утвержденный 21 мая, относительно того, что «при условии окончательной победы Объединенных Наций следует добиваться не перемирия, а окончательной и безоговорочной капитуляции ведущих вражеских государств, и, вероятно, с учетом Италии».

Трудно сделать какой-то конкретный вывод из этой довольно лаконичной записи. В особенности непонятно, что подкомитет подразумевал, говоря о необходимости требований политических полномочий: для капитуляции всего государства или просто для безоговорочной капитуляции армии?

В документе, озаглавленном «Сравнительный анализ проблем и методов деятельности коалиции во Второй мировой войне», представленном в сентябре 1956 года в Американскую научно-политическую ассоциацию, капитан Трейси Б. Киттрэджд, бывший историком Комитета начальников штабов, заявляет, что «представители Объединенного штаба рекомендовали не заключать никакого перемирия с Германией, Японией, Италией и их сателлитами до тех пор, пока они не предложат „безоговорочную капитуляцию“ их вооруженных сил». Эти рекомендации в конце декабря 1942 года были представлены президенту на рассмотрение.

Имеются свидетельства, что большинство подкомитета поддерживало курс на безоговорочную капитуляцию вооруженных сил, находясь под впечатлением прогнозов, сделанных генералом Стрэнгом, что, поскольку должно быть более двадцати союзников, желающих принять участие в выработке условий капитуляции, то в результате военные

условия могут оказаться сильно ослаблены.

Судя по последующим событиям, Рузвельт признал мнение подкомитета в том виде, в каком оно было представлено Норманом Дэвисом, разумным. Но на некоторое время, в связи с отъездом Рузвельта в Касабланку, вопрос был отложен. Затем 7 января 1943 года Рузвельт проинформировал Объединенный штаб, что он собирается поддержать концепцию «безоговорочной капитуляции» как основную военную цель союзников. Похоже, что Рузвельт объяснил штабу, что собирается обсудить с Черчиллем вопросы, связанные с предоставлением Сталину совместных гарантий относительно оказания поддержки до тех пор, пока войска не войдут в Берлин, и что их единственным условием является безоговорочная капитуляция. По моим сведениям, Объединенный штаб не выражал никаких протестов в отношении такой политики; нет никаких штабных документов, подтверждающих значение и последствия этой стратегии.

В любом случае, 24 января на конференции в Касабланке, после упоминания о необходимости принятия военной программы, Рузвельт сказал: «...мир на земле может наступить только после полного уничтожения военной мощи Германии и Японии. ...Уничтожение военной мощи Германии, Италии и Японии означает безоговорочную капитуляцию Германии, Италии и Японии и, значит, предоставляет обоснованные гарантии будущего мира на земле. Имеется в виду не уничтожение народов Германии, Италии или Японии, а уничтожение философии этих государств, основанной на завоевании и подчинении других народов».

По свидетельству очевидца (предположительно Гопкинса), Рузвельт до поры до времени делал вид, что не собирается заявлять об этой стратегии. Сохранились его записки по этому поводу: «Эти два французских генерала, де Голль и Жиро, доставили нам такое количество неприятностей! По-моему, заполучить их было столь же сложно, как договориться о встрече с Грантом и Ли, а тут уже началась конференция, и у нас с Уинстоном не осталось времени, чтобы подготовиться к ней, и вдруг в моей голове проскочила мысль, что они назвали Гранта „Старая безусловная капитуляция“, об этом я и сказал».

Было совершенно очевидно, исходя из заключительных слов выступления Рузвельта, что эта мысль уже какое-то время сидела у него в голове. И вполне вероятно, что когда он прибыл на конференцию, то в тот же день решил, что это стоит сделать. В сущности, все сказанное Рузвельтом содержится в его записках.

С определенной степенью достоверности, независимо от того, было ли выступление Рузвельта в Касабланке заранее обдуманно или это был экспромт, можно догадаться о причинах такого поведения президента. Во-первых, это заявление, подразумевающее, что никакие другие сделки подобного рода рассматриваться не будут, могло помочь рассеять недоверие, появившееся после заключения сделки с Дарланом, одним из наиболее неприятных представителей клики Виши. Во-вторых, оно помогло бы заверить советское правительство, что Соединенные Штаты и Великобритания собираются бороться до конца. И наконец, продемонстрировать стремление не допустить проблемы, наподобие тех, что возникли у Вудро Вильсона после окончания Первой мировой войны, когда еще до окончательной капитуляции началось обсуждение условий мира с вражескими политическими лидерами.

Речь президента произвела на Черчилля ошеломляющее впечатление, хотя Рузвельт предупреждал его, что отдает предпочтение этой стратегии и собирается сообщить об этом во всеуслышание.

В действительности это не совсем так. Эллиот Рузвельт в своей книге воспоминаний рассказывает, как во время ленча родилась фраза «безоговорочная капитуляция». «Произнесенная отцом фраза сразу же пришлась по вкусу Гарри Гопкинсу, в то время как Черчилль, сидя с набитым ртом, медленно жевал, думал, хмурился, наконец, усмехнулся и заявил: „Отлично! Могу себе представить, как разовьется Геббельс и вся его компания“».

Это подтверждается радиограммой, отправленной Черчиллем из Касабланки 20

января в адрес военного кабинета: «В свое время мы предлагаем составить заявление для прессы о работе конференции. Мне бы хотелось знать, что думает военный кабинет об объявленном нами твердом намерении со стороны Соединенных Штатов и Британской империи продолжать войну до „безоговорочной капитуляции“ Германии и Японии. Мы умышленно не говорим об Италии; это поможет внести раскол в ряды противника».

Военный кабинет не только не сомневался в выбранной стратегии, но даже посоветовал упомянуть Италию, опасаясь подобной ситуации в Турции, на Балканах или в каком-либо другом месте.

Несмотря на предварительное рассмотрение вопроса, премьер-министр, как уже было сказано, оказался застигнутым врасплох. Когда президент, без долгих разговоров, вылез вперед с этим сообщением. Вероятно, так следовало поступить, поскольку четкого понимания, что этот важнейший шаг будет предпринят, достигнуто не было. Очевидно, эти двое не возвращались к рассмотрению вопроса до переговоров, во время которых всплыло сообщение Черчилля в адрес военного кабинета, и вот тогда они обсудили текст совместного публичного заявления, в котором ничего не говорилось о «безоговорочной капитуляции».

Как бы то ни было, но премьер-министр никак не выказывал своего удивления. Он тут же присоединился к президенту, объяснив собравшейся прессе, что все устремления будут направлены на то, чтобы в отношении преступников, ввергнувших мир в войну, распространилось требование «безоговорочной капитуляции».

Согласно сообщению, появившемуся в этот же день в «London Times», после того, как президент объяснил, что означает стратегия безоговорочной капитуляции, «создалось впечатление, что эта счастливая мысль только что пришла в голову президенту, и нынешнюю конференцию мы могли бы назвать „Конференция безоговорочной капитуляции“». „Правильно! Правильно!“ – с готовностью поддержал Черчилль, и президент заметил, что они с мистером Черчиллем несколько не сомневались в исходе встречи, поскольку оба преследуют одни и те же цели».

И все же во время подписания первого соглашения с Советским Союзом в июле 1941 года, предусматривающего запрещение какого-либо сепаратного мира с Германией, Идеи заявил, что Англия «...ни при каких обстоятельствах не собирается вести какие-либо переговоры с Гитлером».

Позволю себе короткий комментарий. Когда Рузвельта просили объяснить, что имеется в виду под требованием безоговорочной капитуляции, он обычно приводил пример капитуляции армии Северной Вирджинии под руководством генерала Ли генералу Гранту в здании суда в Аппоматтоксе. Ссылаясь на этот исторический факт, президент достаточно вольно трактовал подробности, но, как показало будущее, этот пример четко соответствовал тому, что он задумал.

Вот так примерно звучала последняя сцена капитуляции в изложении Рузвельта, рассказанная им Гарриману: «Перед капитуляцией генералу Ли требовалось уладить кое-какие моменты, как, например, права офицеров на лошадей, которые являлись их собственностью. Грант заявил, что его условием является „безоговорочная капитуляция“». Ли согласился, а затем поинтересовался насчет лошадей. Грант ответил, что было принято решение оставить лошадей офицерам, поскольку лошади понадобятся для весенней пахоты».

На самом деле эти слова генерал Грант произнес гораздо раньше, во время Гражданской войны, в 1863 году, когда его одноклассник и друг по Уэст-Пойнту, генерал Симон Букнер, впоследствии генерал Конфедерации в форте Донельсон, интересовался условиями капитуляции. Грант ответил: «Никаких условий, за исключением безоговорочной и немедленной капитуляции. Предлагаю немедленно этим заняться».

Однако Грант никогда не выдвигал такого жесткого требования по отношению к Ли в Аппоматтоксе. Капитуляции предшествовал обмен письмами между генералами, причем Грант обещал, что оставляет побежденным оружие и гарантирует, что «...каждому

офицеру и лицу, состоящему в армии Северной Вирджинии, будет позволено вернуться домой; они не будут подвергаться никаким гонениям со стороны властей Соединенных Штатов до тех пор, пока будут соблюдать обязательства и действующие законы в разрешенных местах проживания» (письмо генерала Гранта от 9 апреля 1865 года генералу Ли).

Аналогия просматривалась только там, где дело касалось того, что должно было быть выполнено капитулирующей федеральной армией. После окончания войны не было никакого обсуждения или объяснений, связанных с обращением в отношении беспомощных людей мятежных штатов. Никакого явного признания прав победителей, дающих возможность навязывать любые условия; ни каких-либо иных условий, ограничивающих свободу. Короче, условия капитуляции в Аппоматтоксе рассматривалась только с точки зрения окончания военных действий. Это не было безусловной капитуляцией в том смысле, как понимал ее Рузвельт. Что касается политической власти, то, в сущности, это была «безоговорочная капитуляция», поскольку власть северян ограничивалась только традициями, совестью и моральными принципами. Полагаю, что Рузвельт собирался воспользоваться именно этим основанием для капитуляции. Далее будет показано, как упрямо он придерживался мнения относительно того, что именно этот метод предусматривает все возможности капитуляции ведущих держав Оси.

Скоро Рузвельт и Черчилль убедились, что стали понятны причины этой стратегии и сама стратегия, но всерьез они не воспринимаются. Поэтому после возвращения, 12 февраля, Рузвельт обратился в пресс-центр Белого дома с просьбой «создать мнение, что если мы победим в войне, то отношения между Россией, Англией, Китаем и Соединенными Штатами станут как у кошки с собакой. [Не стоит надеяться,] что любой из нас может оказаться настолько доверчивым и беззаботным, чтобы быть обманутым при заключении соглашений за счет союзников. Мы заявляем, что единственные условия, при которых мы будем иметь дело с любым из правительств Оси или с любой фракцией Оси, – это условия, объявленные в Касабланке: безоговорочная капитуляция. Своей бескомпромиссной стратегией мы не хотим обидеть народы стран Оси. Мы хотим покарать непосредственных виновников, жестоких и циничных лидеров Оси».

А вот что заявил Черчилль в своем выступлении 30 июня:

«Мы, объединенные нации, требуем от нацистской, фашистской и японской тирании безоговорочной капитуляции. Под этим мы подразумеваем, что их неумное желание к сопротивлению должно быть полностью сломлено и они должны сдаться в расчете на нашу милость и справедливость... Это не значит ни при каких обстоятельствах, что мы опозорим наши победоносные силы бесчеловечными действиями или жаждой мести. Мы стремимся к миру, в котором все ветви человеческого сообщества будут жить в предвкушении того, что американская Конституция называет „жизнью, свободой и погоней за счастьем“».

Хочу дать два коротких комментария. Первое. Даже после сообщения, сделанного в Касабланке, союзники практически были вправе заранее требовать те условия капитуляции, на которые рассчитывали. Второе. Принятие такого рода капитуляции *само по себе* не определяет условия, навязанные впоследствии Италии, Германии и Японии. К примеру, такая капитуляция не диктовала решения, принятые на Каирской конференции в отношении Японии; и, более поздний пример, она не повлияла на советские требования в отношении польских и немецких территорий. В каждом случае конкретная причина являлась основанием для принятия решения; стратегия не была настолько жесткой, как об этом часто говорят.

В соответствующей, согласно хронологической последовательности, главе будет более подробно рассказано о практической методике применения безоговорочной капитуляции и много внимания будет уделено значению этой стратегии.

После Касабланки: опять советский вопрос

После окончания официальной части конференции, 25 января, президент и премьер-министр направили отчеты о принятых в Касабланке решениях Сталину и Чан Кайши. Отчет, направленный Сталину, носил скорее информативный характер. Согласно инструкции посол Стэндли и британский поверенный в делах вручили отчет в полночь, 26 января. Стэндли поздравил Сталина с операцией окружения противника в районе Сталинграда, о которой он узнал за несколько минут до прибытия в Кремль. Сталин заметил, что не слишком удовлетворен операцией, поскольку надеялся на большее. По его словам, как только русские перестали бояться немцев, так сразу же стали побеждать; самое важное – преодолеть страх.

В направленном Сталину совместном послании после короткого обзора возможных операций шла речь относительно предполагаемого вторжения через Ла-Манш: «Кроме того, мы сосредоточиваем на территории Соединенного Королевства американские сухопутные и воздушные силы, и сразу же, как только представится реальная возможность, объединенные силы Соединенных Штатов и Великобритании двинутся на континент. Все это, конечно, станет известно нашим врагам, но им будет неизвестно, где, когда и какой силы удар мы собираемся нанести, и, значит, они будут вынуждены направить сухопутные и воздушные силы во Францию, Нидерланды, на Корсику, Сардинию, Сицилию, в Италию, Югославию, Грецию, на Крит и на острова Додеканес». Сообщение было отправлено из Касабланки в Лондон в адрес военного кабинета, а оттуда в британское посольство в Москве для передачи представителям дипломатического корпуса Соединенных Штатов и Британии.

Выслушав перевод сообщения, Сталин передал Молотову русскую версию и коротко переговорил с ним, на что Молотов ответил двумя короткими восклицаниями. Вероятно, больше всего Сталину хотелось понять, собираются ли Черчилль с Рузвельтом открыть, как было обещано, второй фронт, но Молотов ответил: «Нет, пока еще нет». Ни один мускул не дрогнул на лице Сталина; он не позволил вырваться наружу эмоциям, охватившим его при этом ответе, и заявил: «...мне бы хотелось располагать информацией относительно действий, запланированных в отношении открытия второго фронта в Европе в 1943 году, и сроков, выбранных для их реализации». Он заверил, что Красная армия будет продолжать громить врага.

По возвращении в Лондон 12 февраля Черчилль – от своего имени и от имени Рузвельта – отправил Сталину более подробное сообщение. Сталина интересовал вопрос, почему тормозятся операции в Северной Африке. На это Черчилль сообщил, что в апреле они рассчитывают на победное завершение боев в Тунисе и к июлю, а если получится, то и раньше намереваются захватить Италию. А уже затем, в августе или в сентябре, вероятно, начнут наступление через Ла-Манш. На этот счет в сообщении говорилось: «Мы усиливаем подготовку по сосредоточению британских и американских ресурсов, которые в августе должны будут принимать участие в операции через Канал. Но здесь опять скажется нехватка грузовых и десантных судов. Если в связи с погодой или по каким-то другим причинам операция задержится, то за сентябрь удастся еще сильнее укрепить армию. Выбор подходящего момента, безусловно, будет зависеть от того, насколько Германия к тому моменту будет в состоянии обороняться».

Это можно было понять, и, вероятно, так и задумывалось, скорее как обещание, чем отказ со стороны союзников, как полагал Сталин. Но заявленное право пересмотра решений в свете будущих условий фактически оставляло вопрос открытым. Западные союзники едва ли могли дать более точный ответ, даже если бы между ними было полное согласие; а его-то как раз и не было. На основании принятых в Касабланке решений относительно полей сражения по всему миру был сделан вывод, что только в том случае, если внезапно где-нибудь будет сломлено немецкое сопротивление, имеет смысл

предпринять попытку высадки через Ла-Манш. Война в Тунисе затягивалась и срывала планы продвижения на Сицилию; это могло послужить причиной отсрочки приготовлений к операции высадки через Канал.

На самом деле боевая мощь Германии ежедневно таяла на полях сражения в Тунисе, но почти наверняка это казалось слишком незначительным Сталину и его военным советникам. В это время, в середине февраля, русские выступали против ста восьмидесяти пяти дивизий на Восточном фронте, с учетом итальянских. Их февральское наступление закончилось взятием Харькова. 16 февраля Сталин сообщил, что знает о том, что с конца декабря немцы перебросили двадцать семь дивизий с Западного фронта на советский; в результате произошел спад активности в Тунисе. Сталин подчеркнул крайнюю важность усилий, предпринимаемых в Северной Африке и Франции, поскольку это поможет советской армии продолжать наступление. Затем, вновь вернувшись к операции вторжения через Ла-Манш, Сталин написал: «Из вашего сообщения следует, что создание второго фронта, в частности во Франции, намечается только в августе-сентябре. Как мне кажется, нынешнее положение требует по возможности быстрее решить этот вопрос... Крайне важно не дать врагу передышки и нанести удар с Запада весной или в начале лета, не откладывая до второй половины года».

Основная позиция Сталина была стратегически обоснована, но он просил о невозможном. Союзникам следовало не только отказаться от своего плана пересечь Средиземное море после захвата Туниса, но и приостановить военные действия на Тихом океане и на Дальнем Востоке. Принятая в Касабланке программа предусматривала развитие событий на несколько месяцев вперед; но для выполнения требований Сталина, даже без перераспределения военных ресурсов, Эйзенхауэру потребовалось бы ценой невероятных усилий остановить операцию по высадке в Италии и отказаться от всех действий в Тихом океане и на Дальнем Востоке.

В послании от 22 февраля, после рассмотрения обстоятельств, определяющих стратегическую политику, Рузвельт сообщил Сталину: «...вы можете быть уверены, что сразу же после успешного завершения операции в Северной Африке военные усилия Америки будут направлены на осуществление операции по высадке на континент».

Заболевший пневмонией Черчилль активно боролся с вирусной инфекцией. Как только ему стало лучше, он подтвердил сообщение Рузвельта, но ясно дал понять и Рузвельту, и Сталину, что не собирается торопиться с вторжением через Ла-Манш до тех пор, пока, по его мнению, не будет гарантирован успех этого предприятия и он не будет уверен, что десант не встретит «кровавого отпора». Сообщение, отправленное Сталину 11 марта, заканчивалось так: «Ситуация с Ла-Маншем может быть рассмотрена в ближайшее время, и я должен понимать, что вы не ограничиваете нашу свободу решения по этому вопросу».

Сталин считал, что имеет полное право на недовольство. Его не убедили описанные трудности, раздражала осторожность союзников в вопросах, связанных с возможными огромными людскими потерями. Поэтому в ответном послании Сталин резко бросил, что считает союзников в известном смысле ответственными за то, что, в то время как их усилия в Северной Африке застыли на мертвой точке, немцы перебросили тридцать шесть дивизий, в том числе шесть танковых, на советский фронт. С его точки зрения, вторжение на Сицилию нельзя было рассматривать в качестве замены второго фронта. Затем, напомнив о том, что можно было высадиться во Франции в 1942-м или, на крайний случай, не позднее 1943 года. Сталин подвел итог: «Я понимаю, что много проблем возникает из-за нехватки транспортных средств... однако я считаю нужным со всей настойчивостью предупредить, с точки зрения интересов нашего общего дела, о серьезной опасности дальнейшего промедления с открытием второго фронта во Франции. Поэтому неопределенность Ваших заявлений относительно открытия второго фронта во Франции вызывает у меня тревогу, о которой я не могу умолчать».

Трудно сказать, что имел в виду Сталин. Может, он просто предупреждал, что если

советской армии не будет оказано поддержки во время летней кампании, то она может отступить перед немцами? А если это произойдет, то немцы, вероятно, смогут перебросить дополнительные силы на запад для оказания сопротивления вторжению на континент, в то время как советская армия будет слишком ослаблена для того, чтобы перейти в наступление? Или Сталин полагал, что советское правительство будет вынуждено заключить перемирие с Германией?

Вероятно, это был наиболее удачный момент, чтобы обратить внимание на следующее: на протяжении всего того времени, что Сталин выражал недовольство задержкой вторжения на Европейский континент, он отклонял многократные просьбы американцев о сотрудничестве в войне с Японией. По совету Объединенного штаба Рузвельт снова и снова пытался добиться, чтобы Сталин, по крайней мере, согласился начать предварительные переговоры относительно совместных действий на дальневосточных военных театрах. Эти обращения к Сталину основывались на соображении, что Япония может напасть на Сибирь. Можно с уверенностью рассматривать эти действия как попытку спровоцировать Японию к нападению. Одним словом, американцы пытались убедить русских в необходимости рискнуть и сразаться на втором фронте – на Дальнем Востоке. Свои отказы Сталин мотивировал тем, что в Европе сложилось слишком тяжелое положение для его вооруженных сил. Американцы понимали трудности России, но были весьма разочарованы осмотрительностью Сталина.

В конце марта появилось еще одно неприятное для Сталина известие. В принятом в Касабланке решении говорилось: «Для оказания помощи советской армии следует осуществлять максимально возможный объем поставок». Сталину объяснили: «Мы будем изо всех сил стараться направить вам материальную помощь при каждом удобном случае».

Даже при усиленном конвое немецкие самолеты и подводные лодки представляли серьезную опасность на северных маршрутах. К тому же немцы сосредоточили в Нарвике мощный надводный флот. Британия не обеспечивала серьезной охраны конвоев, а американский военно-морской флот отказался передать Британии эскадренные миноносцы. Казалось нелепым посылать следующую группу торговых судов северным путем без необходимой защиты, подвергая ненужному риску британский военный флот. Вызывали беспокойство и возможные большие потери торгового флота; Британия сама испытывала недостаток в продовольствии и сырье; предполагаемое нападение на Сицилию и дальнейшие действия в Тихом океане требовали больше кораблей, чем было построено.

Поэтому Черчилль и его военные советники пришли к неутешительному выводу, что придется опять до сентября приостановить северные конвои. Премьер-министр сообщил это президенту 19 марта, во время пребывания Идена в Вашингтоне. Всего за четыре дня до этого они оба получили от Сталина послание, содержащее обвинения в связи с отсрочкой форсирования Ла-Манша. Рузвельт согласился с решением относительно мартовского конвоя, но 20 марта предложил Черчиллю немного подождать, прежде чем сообщать об этом Сталину; ему казалось, что будет разумнее несколько переждать, а уж потом принимать решение относительно следующих конвоев.

Черчилль выждал десять дней, а затем, 30 марта, дружески разъяснил Сталину, с приведением доводов, решение относительно мартовского конвоя. Черчилль заверил в резком увеличении транспортных поставок по южному маршруту и через Тихий океан. Сталин отправил мрачный, но вежливый ответ, подчеркнув, что это решение, несомненно, причинит вред советской армии. Не изменив принятого решения, в ответном послании Черчилль тем не менее отдал должное военным усилиям России. «Я глубоко осознаю гигантское бремя, обрушившееся на русскую армию, и ее непревзойденный вклад в общее дело».

К концу месяца удары, наносимые Америкой и Британией, стали приносить реальные плоды. Британские ночные бомбардировки Рура вызывали колоссальный ущерб,

а после отработки определенной системы и дневные бомбардировки американцев стали более эффективными. Наметился серьезный прогресс в действиях на востоке и западе Туниса; войска Монтомери смяли всю линию морской обороны, и армия под командованием генерала Паттона начала успешное продвижение вперед. Суда, осуществляющие поставки оборудования и людей для армии Роммеля, подвергались серьезным бомбардировкам с воздуха и торпедным атакам. Трудно было предположить, что в этих условиях Гитлер будет по-прежнему расходовать усилия в попытке удержать часть Туниса и бои будут продолжаться вплоть до мая. Короче, появилась надежда на то, что Запад вскоре сможет провести широкомасштабную операцию, которая облегчит положение России. Возможно, принимая в расчет эти соображения и то, как достойно это было преподнесено ему Черчиллем и Рузвельтом, Сталин так спокойно отреагировал на сообщение о северных конвоях. Он отправил послания, в которых поздравлял союзников и выражал восхищение их действиями в Тунисе и воздушными атаками Германии. Он поблагодарил Черчилля за фильм «Победа в пустыне», снятый во время проведения операции на западном побережье Средиземного моря; ему понравилось, что в фильме прекрасно показано, как Англия ведет бои.

По непонятным для западных союзников причинам отношение Сталина к ним резко изменилось. После мрачных переговоров в марте давление из Москвы все больше ослабевало, вплоть до тех пор, пока Сталин окончательно не осознал, что форсирования Канала в 1943 году не будет.

Первый пересмотр военных целей: Иден в Вашингтоне; март 1943 года

Американское правительство было склонно отложить обсуждение политических вопросов до разгрома государств Оси. Америке хотелось сохранить войска в неприкосновенности, но это было невозможно. Американцы медленно ползли вперед, в то время как было заключено англо-советское соглашение о сотрудничестве, вскоре после которого союзнические войска высадились в Северной Африке. Фактически всякий раз, когда британские и советские дипломаты рассматривали любой участок Европейского континента, расположенного между ними, американцы обращали на это серьезное внимание. И как только начиналось планирование операций в Тихом океане и на Дальнем Востоке, американцы тоже появлялись на горизонте.

Итак, американское правительство было вынуждено приступить к обсуждению этих вопросов раньше, чем им хотелось. Самая страшная военная угроза миновала, и британское правительство приоткрылось заглянуть в будущее. Англичане рассчитывали делать это вместе с американским правительством, поскольку для принятия основного решения требовалось согласие американцев. Поэтому в марте Иден отправился в Вашингтон.

Размышляя о переговорах Идена с официальными кругами Америки, следует иметь в виду, что в это время Рузвельт и Черчилль обдумывали, каким образом следует поступить с Советским Союзом после окончания войны. Рузвельт не желал, чтобы это мнение или навязанное русскими или теми, кто думал иначе, как-то повлияло на него. Это был один из тех периодов, когда Черчилль радужно воспринимал будущие взаимоотношения с Советским Союзом. К примеру, несколькими неделями раньше он открыто признавался в этом в разговоре с президентом Турции, добиваясь вступления Турции в войну. Черчилль преуменьшал опасность возможных действий со стороны Советского Союза в конце войны, говоря, что виделся с Молотовым и Сталиным и у него создалось впечатление, что «...они оба хотят мирного и дружеского сотрудничества с Соединенным Королевством и Соединенными Штатами». Он подчеркивал, что хотя и не может заглянуть на двадцать лет вперед, однако Британия заключила с Советским Союзом договор сроком на двадцать лет.

В это же время Хэлл и Идеи лелеяли те же надежды относительно возможности

нормально жить и сотрудничать с Советским Союзом после окончания войны.

С 12 по 13 марта в Белом доме прошли наиболее важные переговоры Идена с Рузвельтом и Гарри Гопкинсом, Уоллес поддерживал связь с Государственным департаментом. Один или два раза присутствовал Хэлл, но Идена он принимал отдельно в своем кабинете.

Для начала Хэлл попытался воспользоваться случаем и убедить правительство Британии согласиться с несколькими моментами, затрагивающими лично его. Объяснив суть конфликта с де Голлем, Хэлл попросил Идена, воспользовавшись властью британского правительства, заставить «этого француза» стать более сговорчивым. Хэлл также попытался убедить британского министра иностранных дел согласиться с его мнением относительно мер, необходимых для превращения колоний в «опекаемые» на пути к независимости. Его цель в этой сфере деятельности заключалась в установлении международного контроля над всеми зависимыми странами; колониальные отношения следовало продолжать, но они, однако, должны были подвергаться проверке со стороны международных представителей, которые будут уполномочены обнародовать все относящиеся к делу факты, касающиеся администрации колоний. Это было одно из двух глобальных преобразований, которое Хэлл стремился выдать как результат войны; другим было формирование системы всеобщей коллективной безопасности.

Многочисленные переговоры в Белом доме касались многих животрепещущих тем, однако не привели ни к каким окончательным результатам. Суть их сводилась к следующему:

1. Относительно вида организации для поддержания мира и безопасности .

Президентская концепция по этому вопросу за год, прошедший с того момента, как президент разъяснял ее Молотову, претерпела изменения, вероятно в результате знаний, полученных комитетами Государственного департамента, руководимыми Хэллом и Дэвисом. Во время переговоров с Иденом президент объяснил свое видение новой международной организации, состоящей из трех взаимосвязанных частей. Генеральная ассамблея, в которой должны быть представлены все государства; консультативный совет, в который будут входить представители великих держав и остальных стран в соотношении примерно шесть к восьми; и представленный Соединенными Штатами, Великобританией, Советским Союзом и Китаем исполнительный совет, которому консультативный совет, как он надеялся, предоставит широкие полномочия. Президент, по сути, сказал следующее: «...в конечном счете, окончательное решение должно быть принято Соединенными Штатами, Великобританией, Советским Союзом и Китаем, которые в течение многих лет должны будут осуществлять охрану порядка в мире».

Идеи заявил, что его правительство придерживается такого же мнения, но лично он сомневается, что реально доверить такую большую власть одной лишь исполнительной группе великих держав. Как прежде Молотов, Идеи был весьма скептически настроен в отношении Китая, сомневаясь, что он должен входить в число великих держав. Приблизительно в это же время Черчилль публично продемонстрировал серьезную заинтересованность к иной схеме международной организации, состоящей из двух региональных советов, Совета Европы и Совета Азии, находящихся под непосредственным подчинением всемирной организации. Это внесло определенную путаницу в переговоры, проходившие в Вашингтоне.

Рузвельт опробовал на Идене еще одну идею, которая давала гарантию, что новая организация будет в состоянии предотвращать возможную агрессию. Президент уверял, что она должна будет обеспечивать безопасность и сохранять постоянный контроль над стратегическими объектами («опорными пунктами») в различных частях света. Часть из них может находиться в Германии, Японии и Италии; остальные будут располагаться в других странах. Например, впоследствии он упоминал Бизерту в Тунисе, Дакар во Французской Западной Африке и порт на Тайване. Все это, по мысли президента, формально должно было находиться под коллективным руководством, а фактически

каждый объект должен был охраняться гарнизоном, в состав которого входили бы все участники организации. Трудно сказать, что имел в виду Рузвельт; полагал ли он, что эти гарнизоны будут частью одной международной армии, или считал, что это будут отдельные национальные части.

Следует заметить, что в любом случае эта идея не делала особой погоды. Даже если бы это было признано реально осуществимым, на практике пришлось бы неминуемо столкнуться с серьезной проблемой: вывести стратегические объекты из-под государственного контроля можно было бы только путем сильнейшего нажима.

2. Относительно некоторых будущих территориальных притязаний Советского Союза . Президент поинтересовался у Идена, не думает ли тот, что советское правительство собирается подчинить всю Европу с помощью вооруженной силы и пропаганды. Идеи ответил, что так не думает, но в любом случае полагает, что разумно устанавливать доверительные и дружеские отношения с Советами, подготавливая почву для взаимного сотрудничества и стараясь избегать враждебности со стороны Советского Союза. Идеи добавил, что это было всегда не так-то просто сделать, поскольку советское правительство крайне подозрительно. В ходе следующей беседы Идеи затронул вопрос, касающийся будущего Германии. Как отмечает Гопкинс: «Идеи сказал, что полагает, будто Сталин настаивает на открытии второго фронта исходя из политических соображений, поскольку в случае крушения Германии ему бы не хотелось брать на себя ответственность за все случившееся в Германии и во всей остальной Европе. По мнению Идена, присутствие американской и британской армий во время крушения Германии является основополагающим принципом внешней политики Советского Союза».

Идеи сообщил Рузвельту о возможных территориальных притязаниях со стороны Советского Союза, поскольку перед самой поездкой в Вашингтон общался с Майским, советским послом в Лондоне, который подробно изложил требования советского правительства:

а) *Балтийские страны*. Идеи считал, что советское правительство будет настаивать на присоединении этих государств и отвергнет предложение, необходимое с точки зрения Рузвельта: прежде чем предпринимать какие-либо действия, в этих странах следует провести всенародные обсуждения. Рузвельт подчеркивал, что если нам и придется согласиться на присоединение этих государств, то следует использовать это в качестве последнего козыря в переговорах с Россией.

б) *Польша*. Идеи полагал, что советское правительство будет требовать часть территории, которая принадлежала Польше в 1939 году, возможно, до линии Керзона. Однако он заметил, что степень советских притязаний в этом регионе, возможно, будет зависеть от того, какое решение в отношении Польши будет принято на мирной конференции.

Кроме того, обсуждение слегка коснулось западных границ Польши. Президент с Иденом пришли к соглашению, что после войны Восточная Пруссия может войти в состав Польши. Идеи полагал, что русские согласятся с таким решением, а он пока еще не готов сообщить об этом польскому правительству в Лондоне.

Идеи считал, что Сталин к тому же готов изменить границы Силезии в пользу Польши. Благодаря этому перемещению западных границ Польша получила бы удовлетворяющее ее жизненное пространство, а Сталин, по мнению Идена, нуждался в усилении Польши.

В основном во время переговоров с Иденом президент не касался вопросов, связанных с границами. Однако отметил в отношении притязаний польского правительства в Лондоне: что следует иметь Польше, будут решать основные державы и что он не собирается на мирной конференции торговаться с поляками и другими малыми государствами.

Это замечание явилось следствием сообщения Идена о невероятной настойчивости польского правительства в изгнании; об их абсолютно нереальном представлении о

послевоенном положении и влиянии Польши; об упорном желании сохранить западные границы, установленные в промежуток между двумя мировыми войнами. Идеи считал, что советское правительство не будет настаивать на приведении к власти в Польше коммунистического правительства, но был уверен, что это будет зависеть от степени популярности любого будущего правительства Польши. Следовательно, несмотря на расположение к отдельным членам правительства в изгнании, не стоило оказывать помощь существующему правительству в удержании власти. Все переговоры с Иденом, касающиеся польских проблем, были пропитаны волнением относительно того, что можно ожидать от России. Но следует заметить, что никаких мер против неблагоприятного исхода предпринято не было.

в) *Бессарабия*. Президент согласился с Иденом, что русские имеют право вернуть себе эту территорию на границе с Румынией, поскольку на протяжении значительного времени она принадлежала России.

г) *Финляндия*. Президент и Идеи пришли к соглашению, что русские будут настаивать на границе, установленной в конце войны с Финляндией в марте 1940 года, и посчитали, что это правильно. Но Иден предсказал, что советское правительство потребует еще и Ханко, необходимый для обеспечения безопасности и защиты Ленинграда. Им обоим казалось, что будет трудно оспорить это требование, поскольку война показала, какой опасности подвергался этот город.

д) *Югославия*. Президент считал, что нелепо заставлять хорватов и сербов продолжать жить в рамках одного государства. Но Иден думал иначе; он чувствовал, что они могут и должны жить вместе.

е) *Чехословакия, Румыния, Болгария, Турция и Греция*. Президент и Иден пришли к общему мнению, что будущее определение границ этих стран не должно вызвать серьезных проблем.

ж) *Австрия и Венгрия*. Президент и Иден согласились, что это должны быть независимые государства. Австрии следует, вероятно, восстановить ее прежние границы. Иден считал, что Сталин захочет наказать Венгрию и передаст ее территорию Румынии.

з) *Германия*. Президенту казалось необходимым, чтобы Уоллес и Хэлл переговорили с Иденом относительно будущего Германии. Иден, в частности, сообщил Уоллесу, что, по мнению его правительства и по его личному мнению, они склонны к разделу Германии. И конечно, будет замечательно, если это произойдет добровольно. Высказывая лишь собственную точку зрения, Уоллес заявил, что только раздел Германии может положить конец немецкой угрозе. Он наметил четыре этапа, включающие передачу Восточной Пруссии, отделение Пруссии, отделение и образование двух или трех независимых государств. Разговаривая с Иденом в этот же день, Хэлл заявил, что не составил собственного мнения на тот счет. В результате было достигнуто соглашение, что разумно совершить раздел Германии, но стоит ли, в случае необходимости, производить раздел силовым путем, решено не было. Очевидно, этот вопрос следовало отложить до переговоров с русскими.

и) *Китай*. Президент и Хэлл сообщили Идену, что огорчились, услышав днем раньше выступление Черчилля, в котором Китай не был упомянут среди великих держав. По мнению президента, Китай мог бы контролировать Японию, а поэтому его следует усилить всеми возможными способами. Но Идеи сомневался, что Китай может самостоятельно упрочить свое положение, и полагал, что после войны там может произойти революция. Кроме того, он отметил, что «что ему не слишком нравится мысль относительно свободного передвижения китайцев по Тихому океану».

к) *Остальные дальневосточные вопросы*. Президент предложил вернуть Китаю Маньчжурию и Тайвань; установить опеку над Индокитаем; установить опеку над Кореей объединенными усилиями Китая, Соединенных Штатов и еще одной или двух великих держав; передать под мандат и интернационализировать японские острова.

Окончательное завершение эти предложения получили в исключительно важной

Каирской декларации, провозгласившей конец Японской империи.

Все предыдущие переговоры, подобные переговорам с Иденом, относительно послевоенного переустройства носили исключительно умозрительный характер и основывались на том, что все определит будущее. Это одна из причин, почему записи этих переговоров оставляют ощущение, что они велись в вакууме. Но я думаю, что была и другая причина. Вероятные непредвиденные обстоятельства во время войны не позволяли конкретизировать обмен мнениями относительно того, что потребуется делать после победы. Нельзя считать, что только военные достижения могли повлиять на политические возможности. Этой теме коснулись только однажды, 14 марта во время обеда. Как пишет Гопкинс: «Затем мы обсудили политический результат от пребывания наших войск в Италии и сравнили его с гипотетическим результатом пребывания во Франции во время крушения Германии. Хотя президент и Идеи считали, что это не даст никакой выгоды, это было все-таки лучше, чем вообще не высадиться на континенте».

Никто не предлагал разрабатывать военную стратегию с учетом достижения политических целей. Рузвельт вообще стремился не примешивать политику к военным действиям коалиции, дабы не препятствовать ведению войны.

Вслед за переговорами с Иденом 31 марта Хэлл, подытожив все сказанное, сообщил результаты переговоров Литвинову. Таким образом, подчеркнул он, Идеи разделяет стремление американцев взаимодействовать после войны с Россией и поддерживает мнение, что американцы, русские и британцы должны сообща обуздать нарушителей спокойствия не только в собственных, но и в других странах. Хэлл всячески старался объяснить британскую стратегию «зависимых народов», основанную на надежде, что общемировое развитие коснется этих народов и пробудит их. В этот же день Государственный департамент отправил отчет о переговорах Идена послу Стэндли для вручения Молотову. Следует отметить, что не предпринималось никаких попыток сформулировать достигнутые договоренности и решения. Молотов не сказал, действительно ли он верит этому отчету или нет. Замечу, что до конца войны Рузвельт и Хэлл были крайне обеспокоены тем, чтобы русские не подумали, что они проводят какие-то секретные операции с британцами.

Следует сделать короткое послесловие к отчету Идена о прошедших переговорах. Когда спустя несколько недель Черчилль опять прибыл в Вашингтон, то внес некоторые добавления к тому, что сказал Идеи по обсуждаемым вопросам. Черчилль убежденно говорил о возможности совместного использования Соединенными Штатами и Британией баз, расположенных на территориях обеих стран; пока еще не было полной ясности с проектом «опорных пунктов». По мнению Черчилля, важным моментом являлось усиление Франции, «...чтобы в будущем между Англией и Россией располагалась сильное государство, не обладающее притягательной силой слабой страны».

Но Черчилль не оставил и мысли о разделе Германии; по крайней мере, он надеялся на отделение Пруссии от остальной части Германии.

Как бы то ни было, но все эти комментарии, касающиеся политических вопросов, имели всего лишь второстепенное значение. Приезд Черчилля в Вашингтон был связан с первоочередной задачей: обсудить вызывающие беспокойство вопросы военной стратегии в Европе и на Дальнем Востоке.

Весна 1943 года: решения конференции «Трайидент»

29 апреля Черчилль вышел к президенту с предложением об организации в Вашингтоне очередной встречи в присутствии британских начальников штабов. Рузвельт одобрительно отнесся к этой идее. В послании Сталину от 8 мая Черчилль объяснил, что цель этой миссии – «...договориться о будущих действиях в Европе после Сицилии, а также предотвратить чрезмерный уклон в сторону Тихого океана и затем обсудить проблему Индийского океана и организацию там наступления против Японии».

К этому времени Черчилль, как вытекает из его записей, пришел к окончательному выводу по двум вопросам. Во-первых, что следующим объектом, после захвата Сицилии, должна стать Италия, а во-вторых, что, в связи с относительной боеспособностью немецкой армии в Западной Европе, проведение операции вторжения через Канал в 1943 году не представляется возможным.

12 мая, в первый день конференции, известной под названием «Трайидент», пришли известия от Эйзенхауэра: в Тунисе полностью подавлено всякое сопротивление, в плен захвачено 160 000 человек, близлежащие воздушное и водное пространство полностью контролируются. Это была крупнейшая победа за весь период средиземноморской кампании. В своем выступлении Черчилль максимально использовал вновь открывшиеся возможности. Согласно его тезисам, британцы и американцы должны немедленно напасть на Италию и вывести ее из войны. По мнению Черчилля, в этом случае они могли бы ожидать грандиозных результатов.

1. Сокращалась совокупная мощь и уменьшалась обороноспособность стран Оси.

2. Итальянская армия должна была покинуть Балканы, и немцам пришлось бы либо отдать контроль над этим регионом, либо значительно увеличить находящиеся там силы.

3. Капитуляция итальянского флота открывала британским военно-морским силам путь в Тихий океан и в Бенгальский залив, что давало возможность активизации действий против Японии, в Бирме и в Ост-Индии.

4. Сардиния и Додеканесские острова могли бы использоваться в качестве баз.

5. Эти события могли заставить турецкое правительство согласиться вступить в войну.

Черчилль считал, что прекрасная возможность, позволяющая добиться этих результатов, является более чем объективной причиной для обсуждения вопроса. Он подчеркнул, что это лучшее, если не единственное решение, благодаря которому огромные силы сухопутной армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил Британии и Соединенных Штатов сосредоточатся в Средиземноморье и после захвата Сицилии могут быть использованы в оставшийся период 1943 года. В противном случае большая часть этой военной силы будет бездействовать, поскольку нехватка судов ограничивает возможности перемещения их в Британию для проведения любых операций вторжения через Канал в 1943 году, и, кроме того, возникнут серьезные проблемы с дислоцированием, переформированием и перевооружением армии. Кроме того, Черчилль утверждал, что наступление на Италию западных союзников наилучшим образом будет способствовать ослаблению напряжения на русском фронте. По его расчетам выходило, что немцы будут вынуждены перекинуть в Италию и на Балканы такое количество дивизий, значительно ослабив наступление на Восточном фронте, что это окажется гораздо эффективнее, чем вторжение через Канал союзнической армии в 1943 году.

Позже было принято решение о прекращении действий в Средиземноморье после захвата Сицилии. Рузвельт согласился, что мощь двадцати дивизий, собранных в Средиземноморье, не следует оставлять не у дел до начала операции вторжения через Ла-Манш, но план наступления на Италию, после Сицилии и Сардинии, вызывал у него определенные сомнения. Он опасался, что союзники могут надолго застрять на Апеннинском полуострове, что потребует все большего и большего количества людей и судов. Поскольку Рузвельт не хотел допустить такой возможности, он рассудил, что будет гораздо лучше занять все избыточные ресурсы в подготовке к проведению весной 1944 года крупномасштабной операции через Канал.

Черчилль не отрицал, что немцы могут оказать серьезное сопротивление в боях за Италию, но представлялось, что его это не волнует. Настроенный весьма оптимистично, премьер-министр был уверен, что итальянская кампания не потребует военных ресурсов, необходимых в будущем году для проведения операции через Канал. Он пытался убедить американцев в необоснованности их опасений, поскольку, по его мнению, кампанию можно было провести таким образом, чтобы, независимо от действий немцев, союзники

были в состоянии принять решение о размерах средств, которые следует отвести под операции в Италии.

После переговоров, проходивших с 12 по 25 мая, американцам и британцам вновь удалось найти место всем своим намерениям и опасениям во взаимоприемлемой программе.

В отчете начальников Объединенного штаба, одобренном Рузвельтом и Черчиллем, содержалось три стратегических направления.

1. *Действия в Средиземноморье против Италии.* Эйзенхауэр должен быть готов начать наступление на Италию сразу же после захвата Сицилии и добиваться краха Италии, действуя таким образом, чтобы способствовать воздушным атакам на Западную и Южную Германию, изматывая немецкую истребительную авиацию и создавая серьезную угрозу власти Германии на Балканах.

Однако боевые действия, направленные против Италии, не должны были поставить под угрозу проведение операции по вторжению через Ла-Манш в 1944 году. Особо оговаривалось, что после 1 ноября семь из общего числа находящихся в Средиземноморье дивизий должны быть приведены в готовность для отправки в Англию, чтобы в составе основной армии вторгнуться на территорию Северо-Западной Европы. Черчилль был против этого условия; впоследствии именно принятие этого решения помешало активизации действий в Средиземноморье.

2. *Операция через Канал.* Было решено, что «войска и оборудование» должны размещаться в Соединенном Королевстве «с целью начала операции 1 мая 1944 года, гарантируя высадку на континенте в том месте, откуда следует начинать наступательные действия».

Кроме того, был решен вопрос о численности армии на различных этапах подготовки к нападению. С целью уменьшения немецкого сопротивления и ослабления военно-воздушных сил Германии следовало значительно увеличить размеры и количество воздушных атак.

Британцы рассматривали установленную дату нападения как ориентировочную. Они считали, что это требование будет выполнимо только в том случае, если к этому моменту удастся справиться с военно-воздушным флотом Германии, и численность немецкой армии, подразделений, находящихся на территории Франции, не будет превышать установленного максимума. Американцы, в особенности Маршалл и Кинг, не соглашались ни на какие ориентировочные даты. Они требовали точных сроков. Они отказывались продолжать концентрацию значительной части американских военных ресурсов в Британии в течение следующего года в том случае, если вторжение откладывалось на неопределенный срок.

Американцы надеялись, что смогут настоять на своем. Действительно, отчет не содержал никаких условий или ограничений, касающихся подготовки этой операции. Но британцы по-прежнему считали, что не только план подготовки, одобренный Рузвельтом и Черчиллем, но и установленная дата и окончательное решение о вторжении продолжают находиться в стадии обсуждения. Настаивая на проведении операций в других местах, они не задумывались о том, что это может задержать подготовку и выполнение операции через Канал. Проблема вновь возникла, как только приступила к работе британско-американская группа планирования («Коссак»), которая по заданию конференции «Трайидент» создавала реальный план действий.

3. *Наступление на Японию.* Была увеличена скорость прохождения с юго-западной стороны и предусмотрено быстрое пересечение центральной части Тихого океана (Маршалловы и Каролинские острова). Американские власти были вправе решать, какие военные ресурсы должны отводиться для проведения этих действий, но подчинялись условию: «перед тем как предпринять какое-либо действие... оно должно быть рассмотрено Объединенным штабом».

Кроме того, было принято решение обеспечить большие резервы летчиков и

самолетов для организации воздушной трассы через Гималаи из Индии в Китай, для проведения воздушных операций в Китае и для оказания помощи сухопутным войскам, в особенности тем частям, которые заняты на подготовке маршрута через Бирму в Китай. Эти скромные требования не выдерживали конкуренции со стороны неотложных требований других центров борьбы.

Принятое конференцией «Трайидент» соглашение не определяло, каким образом Италия будет выведена из войны. В нем только говорилось: «...союзнический главнокомандующий в Северной Африке будет безотлагательно проинструктирован, как наилучшим образом вывести Италию из войны. Решение этого вопроса остается за Объединенным штабом».

Следовало ли проявить осторожность во время захвата Сардинии? Это, безусловно, удовлетворило бы американцев. Или следовало первым делом запланировать усиление позиции на Апеннинском полуострове? Ничто не мешало Британии воспользоваться большими возможностями. Черчилль, торопясь принять решение, которое позволит обеспечить непрерывное давление на итальянцев, предложил Рузвельту немедленно направить вместе с ним Маршалла для поездки в Алжир с целью проведения переговоров с Эйзенхауэром и другими командующими. Позже Черчилль, возвращаясь к этой поездке, с сожалением заметил Стимсону, что он, «...кажется, был просто одним местом багажа».

Черчилль с Маршаллом вместе вылетели из Вашингтона и 29 мая прибыли в штаб Эйзенхауэра. Там они встретились с генералом Бруком, начальником имперского генерального штаба, с британскими командующими в Средиземноморье – генералами Александером и Монтгомери, маршалом военно-воздушных сил Теддером и адмиралом Гуннингхэмом. По единодушному мнению британских представителей, нападение на Сардинию потребует неразумного растрачивания сил, необходимых для проведения операций в Средиземноморье. С их мнением приходилось считаться, поскольку к этому моменту Британия имела почти в три раза большую численность сухопутной армии, в четыре раза больше военных кораблей и почти столько же, сколько у американцев, самолетов. Краткое выступление Черчилля относительно наступления на Италию в целом повторяло его выступление в Вашингтоне и заканчивалось следующим утверждением: «Никакое другое действие первостепенной важности не откроет нам в этом году Европу».

Черчилль проявлял осторожность, чтобы не создалось впечатления, будто он в это время имел в виду какую-то кампанию на Балканах или даже в Северной Франции.

Во вступительной речи на конференции «Трайидент» премьер-министр проявил заметный интерес к проведению возможных операций не только в Италии, но и в других районах Средиземноморья. Неясно, имел ли он в виду организацию больших экспедиций или просто небольшие диверсионные отряды, действующие совместно с местными партизанами. Записи Черчилля, сделанные им впоследствии, также не дают ответа на этот вопрос. У присутствовавшего там адмирала Ли создалось впечатление, что Черчилль настойчиво предлагал вторгнуться на Балканы. Но если Черчилль только бросал взгляды в том направлении, то Комитет начальников штабов Соединенных Штатов будто бы воочию видел отправленные туда десять дивизий. Американцы с подозрением воспринимали изощренный подход Черчилля к выбору средиземноморской стратегии, напоминающий «кошачьи прыжки». Вот объяснение Черчилля: «Наилучший метод приобретения гибкости состоит в том, чтобы иметь детально отработанные три или четыре плана действий на все случаи жизни. Тогда намного проще переключаться с одного на другой, как бы делая кошачьи прыжки».

На конференции в Алжире некоторые американские военные были, вероятно, убеждены, что премьер-министр, несмотря на его осторожные высказывания, склоняется к проведению основной операции на Балканах.

Следует отметить, что в мае 1943 года Британия отправила первую миссию для работы с Тито. На совещании с начальниками штабов Черчилль подчеркнул исключительную важность в оказании всесторонней помощи антигитлеровскому

движению в Югославии.

Эйзенхауэр, хотя какое-то время и был сторонником продолжения наступления в Южной Италии, был оставлен в резерве. Маршалл молчал. Он не оспаривал выступление Черчилля, но был против плана любой кампании в Италии, которая бы оттягивала большие силы для нападения или удержания оборонительных рубежей и задерживала подготовку вторжения через Канал. Прежде чем принять окончательное решение, Маршалл собирался переждать, чтобы посмотреть, чем закончится нападение на Сицилию, как отреагируют на него немцы, как будут идти дела на Восточном фронте. Черчилль не мог заставлять, он мог только убеждать, поскольку последнее слово оставалось за Эйзенхауэром. Однако Черчилль был твердо уверен, что добился больших успехов в этом вопросе, поскольку обнаружил, «что все хотели идти в Италию».

Переговоры в Алжире закончились 3 июня. Черчилль с Иденом улетели в Англию, а Маршалл отправился в Вашингтон.

После «Трайдента»: период напряженности и взаимных обвинений

Отношения с русскими, главным образом благодаря решению, принятому на конференции «Трайидент» относительно задержки с открытием второго фронта, опять резко испортились. Отмеченное весной добродушие к началу лета обернулось негодованием. Чтобы понять причины, вызвавшие эти изменения, следует вспомнить последствия нескольких событий, происшедших в июне и июле.

Перед началом переговоров президент принял решение о замене нашего посла в Москве. На этом месте ему хотелось видеть ревностного сторонника сотрудничества между государствами. Неизвестно, собирался ли президент возводить Джозефа Э. Дэвиса в ранг посла, но он приказал, чтобы Дэвис специальным рейсом немедленно отправлялся в Москву. В тридцатых годах Дэвис уже был послом в России, и с тех пор он считал, что население страны на редкость дружелюбное, а советские руководители – искренние и доброжелательные люди.

Дэвис вез с собой письмо Рузвельта, датированное 5 мая, Сталину. В письме объяснялось, что Дэвис направлен в Москву с одной-единственной целью – договориться о личной встрече Рузвельта и Сталина; президент стремился избежать проблем, связанных с организацией больших штабных совещаний и дипломатических переговоров. Он предлагал «неформальную и совершенно простую встречу между нами в течение нескольких дней» и считал, что у них должна состояться так называемая «встреча умов». Рузвельт рассчитывал встретиться летом, поскольку имелась вероятность, что советское наступление может уже следующей зимой привести к краху Германии, к которому следовало заранее подготовиться. Что же касалось места встречи, то рассматривалось множество вариантов. Исландия, например, была признана непригодной по двум причинам: во-первых, довольно-таки длительный перелет и для Сталина, и для Рузвельта, а во-вторых, отсутствие там Черчилля могло бы вызвать недоумение. Президент предложил встретиться либо на американской, либо на русской стороне Берингова пролива. Это должна была быть личная встреча; Рузвельт собирался прибыть в сопровождении Гопкинса, исполняющего роль переводчика и стенографиста одновременно. Их разговоры если кто и мог подслушать, так только тюлени и чайки.

Расчет Рузвельта провести переговоры со Сталиным в отсутствие Черчилля строился на нескольких соображениях. Они, безусловно, лежат в области догадок, но полагаю, находятся в пределах досягаемости. В августе прошлого года Черчилль один встречался со Сталиным в Москве, что позволило ему ближе познакомиться с маршалом; вероятно, Рузвельт понимал, что ему не хватает знаний об этом человеке. А может, таинственность, окружавшая Сталина, и его обособленность не давали президенту покоя. Страстное желание прорвать зону отчуждения совпало с политическими мотивами. В Соединенных Штатах бытовало мнение, что Черчилль оказывает слишком большое влияние на

Рузвельта и в трехсторонних переговорах все решения принимает Черчилль. Личная встреча со Сталиным могла изменить это мнение и оказаться полезной для Соединенных Штатов с политической точки зрения. К тому же в этот момент президент был уверен, что он лучше договорится со Сталиным, чем Черчилль; Сталин не будет относиться к нему с такой подозрительностью, и без премьер-министра будет проще установить дружеское взаимопонимание. Президент считал, что двусторонняя встреча не должна вызвать беспокойства или тревоги со стороны Черчилля; Рузвельт уже доказал свою беззаветную преданность Британии. К тому же некоторые вопросы, которые должны были быть улажены с советским правительством, имели непосредственное отношение скорее к Соединенным Штатам, чем к Британии, и поэтому должны были быть рассмотрены двумя заинтересованными сторонами; точно так же, как Великобритания и Советский Союз рассматривали свой союзный договор.

Хэлл разделял мнение Рузвельта. Кстати, он показал это во время пребывания Черчилля в мае в Вашингтоне, когда во время одного из приступов пессимизма заявил, что, с его точки зрения, крайне важно, чтобы «два наших государства продолжали тщательный отбор лиц для переговоров со Сталиным, вытаскивая его, если можно так выразиться, из раковины, преодолевая отчужденность, скрытность и подозрительность. И так до тех пор, пока не расширится кругозор Сталина, что позволит ему увидеть реальность будущего международного сотрудничества, и наконец-то станут ясными намерения России в отношении Востока и Запада».

Если бы государственный секретарь осознал, что Сталин является хозяином и приверженцем системы, сочетающей иное видение социальной справедливости с ненавистью, он бы понял всю тщетность своих усилий.

Неудачи преследовали миссию Дэвиса с первой и до последней минуты. Посол Стэндли, поняв нежелательность своего присутствия на переговорах Дэвиса со Сталиным и Молотовым, почувствовал себя оскорбленным. Дэвис подверг американских корреспондентов, аккредитованных в Москве, суровой критике за нападки в адрес советского правительства, граничащие с предательством, и раздувание целого события из любой незначительной оплошности, что вызвало бурю негодования. По мнению сотрудников нашего посольства, обед, устроенный Сталиным 23 мая в честь приезда Дэвиса, оказался одновременно унылым и смешным. Русские старались казаться приветливыми, но явно скучали. Дэвис произнес длинную речь о величии советской армии, руководителей страны, советских людях и предложил оставить Сталинград в руинах, как памятник немецким злодеяниям, а в пяти или десяти милях вверх по реке построить новый город. После обеда Дэвис показал документальный фильм «Дипломатическая миссия в Москве», повествующий о его деятельности в качестве посла. Присутствовавшие при этом американцы отметили, что хозяева смотрели фильм с «мрачным любопытством».

Но, несмотря на это, приезд Дэвиса должен был, по мнению президента, сыграть свою роль. 22 мая советское правительство объявило о роспуске Коминтерна. Вероятно, это было решено несколько раньше, но поскольку было объявлено в период пребывания Дэвиса в Москве, то подорвало к нему доверие.

В ответе, сообщенном Сталиным Дэвису (26 или 27 мая) для передачи Рузвельту, говорилось о том, что Сталин разделяет желание Рузвельта организовать встречу, но не может с уверенностью сказать, когда она состоится. Сталин объяснил, что этим летом ожидает новое немецкое наступление на Восточном фронте; советские армии готовятся к нему, но испытывают нехватку самолетов и авиационного топлива. Сталин сообщил, что нельзя предвидеть, какие меры придется предпринимать России, но частично это будет зависеть от того, насколько быстрыми и активными окажутся англо-американские действия в Европе. Хотя Сталин согласился с президентом, что их встреча должна состояться в скором времени, точного ответа все-таки не последовало. Принимая во внимание надвигающуюся опасность, Сталин не мог в июне покинуть Москву и считал,

что встреча может состояться в июле или в августе. Он одобрительно отнесся к предложению президента о личной встрече в присутствии всего лишь нескольких советников.

Сразу же по возвращении в Вашингтон Дэвис доложил обо всем Рузвельту. В послании от 5 июня Рузвельт поблагодарил Сталина за сердечный прием, оказанный Дэвису, и выразил удовлетворение, обнаружив совпадение взглядов по всем вопросам.

Но этот обмен любезностями вскоре подвергся суровому испытанию, когда в тот же день или днем позже Сталин получил совместное послание Рузвельта и Черчилля, из которого узнал о военных планах, принятых на прошедшей в Вашингтоне конференции.

Президенту и премьер-министру стоило большого труда составить это послание. Одной из возможных причин была та, что основная стратегия, в соответствии с принятым согласно плану «Трайидент» решениям, состояла из нескольких разделов. Другая, возможно, заключалась в следующем: они заранее предвидели, что Сталин не придет в восторг от этого послания, и пытались найти такую форму изложения, которая покажет все преимущество выбранной стратегии. Кроме того, вполне возможно, что у Черчилля с Рузвельтом были небольшие расхождения относительно выполнения достигнутого соглашения и каждый в послании к Сталину пытался склонить его на свою сторону.

Черчилль рассказал, как в Вашингтоне они с Рузвельтом до тех пор вносили поправки в текст послания, пока их каракули уже стало невозможно разобрать.

После окончания конференции глубокой ночью они все еще были не довольны текстом письма. Тогда Черчилль предложил, что он попробует на следующий день составить текст во время полета в Алжир и отправит результаты своих усилий президенту. Черчилль посчитал, что президент с облегчением воспримет его идею. Как было условлено, генерал Маршалл прибыл вместе с Черчиллем в штаб Эйзенхауэра. Президент поинтересовался, почему бы Маршаллу не полететь вместе с премьер-министром, чтобы во время полета продолжить обсуждение послания Сталину. Пролетая над Атлантикой, они в конце концов закончили письмо. Черчилль оказал доверие Маршаллу, назвав его «собранием проектов». Получив одобрение британского штаба, послание было отправлено президенту. Рузвельт внес только одно незначительное изменение, после чего со специальным курьером отправил письмо Сталину. В нем был правдиво изложен принятый план военных действий.

Ответ от Сталина пришел 11 июня. Он выразил серьезное недовольство решением о быстром выводе Италии из войны, тогда как операция через Канал отодвигалась уже на 1944 год. С его субъективной точки зрения, решение, принятое Соединенными Штатами и Великобританией, было крайне неудачным. Сталин пытался воздействовать на них различными методами, в том числе и методом убеждения, но ничто не могло поколебать упорное желание союзников дожидаться необходимого момента, чтобы предпринять попытку вторжения через Канал. В довольно жесткой форме Сталин приводил серьезные аргументы в защиту вторжения в 1943 году. Это было первое послание из июньской переписки Сталина и Черчилля, в котором каждый, убежденный в собственной правоте, настаивал на своей точке зрения.

К сожалению, усилия, потраченные на поиски неопубликованной переписки, были потрачены впустую, поэтому читателю придется положиться на впечатления, полученные Шервудом от поверхностного знакомства с документами Гопкинса, и подтверждающие их описания посла Стэндли.

По-видимому, в одном из июньских посланий (по мнению Шервуда) Сталин вспоминает все обещания, которые давались ему в отношении открытия второго фронта, и заканчивает его словами, что «это можно расценивать только как преднамеренную недобросовестность со стороны западных союзников».

Были тут же забыты и признательность за разгром Германии во время североафриканской кампании, и бомбардировки Германии, и распыление немецких усилий по отражению незапланированных действий западных союзников. Один из

ответов Черчилля, отправленный без согласования с Рузвельтом, опять же по свидетельству Шервуда, был «убийственный», а по словам Стэндли, «раздраженный».

В это же самое время, когда происходил обмен мнениями со Сталиным, премьер-министр во время обеда (25 июня) доверительно сообщил Гарриману, что усилия президента по организации встречи со Сталиным вывели его, Черчилля, из равновесия. Вне всякого сомнения, он был искренне убежден, что для принятия согласованных решений по общим военным и послевоенным вопросам необходимо присутствие всех трех глав государств. Черчилль опасался, что Рузвельт и Сталин будут поддерживать собственные ошибочные идеи, в особенности относительно операции по вторжению через Ла-Манш, и смогут договориться о проекте, способном нанести вред Англии. Он мог, конечно, волноваться по этому поводу, хотя, судя по имеющимся записям, Рузвельт полностью поддерживал позицию Черчилля в переговорах со Сталиным. Так, 20 июня, в связи с отправленным в этот день Черчиллем посланием, объясняющим оборонительную стратегию союзников, президент сообщил Сталину, что «премьер-министр телеграфировал вам, получив мое безусловное согласие».

Черчилля, вероятно, слегка волновала мысль, что его положение может пошатнуться в собственной стране. Но, несмотря на тревожные мысли, Черчилль откровенно сказал Гарриману, что если президент один отправится на встречу со Сталиным, то он с пониманием, безо всяких обид, воспримет его решение.

Но уже на следующее утро его живой ум попытался отыскать более приемлемый путь. Черчилль написал послание Рузвельту, в котором отговаривал его от предполагаемой встречи. Затем обговорил текст послания с Иденом, показал его Гарриману, по мнению которого, послание прекрасно выражало точку зрения Черчилля, и отправил Рузвельту. Неизвестна точная дата отправки; предположительно, 26, 27 или 28 июня.

В послании Черчилль предлагал, чтобы для обсуждения спорных вопросов перед встречей Рузвельта со Сталиным или трехсторонней встречей сначала встретились министры иностранных дел, Идеи, Молотов и Хэлл.

Затем, спустя несколько дней, рассмотрев спорные вопросы, в которых союзники потерпели поражение, Черчилль решил, что бессмысленно продолжать эту «грубую» дискуссию со Сталиным. С легким сожалением, поскольку он понимал, что Сталин надеялся на вторжение, премьер-министр прямо заявил, что всегда предупреждал о том, что действия западных союзников будут зависеть от военной ситуации и не должны приводить к бесполезному кровопролитию.

Одновременно с резким ответом относительно откладывания второго фронта советское правительство выразило недовольство действиями союзников в Северной Африке. Советское руководство переживало из-за отсутствия полной информации о происходящих там событиях. Для того чтобы понять будущую причину разногласий между основными членами коалиции, необходимо рассмотреть (конечно, вкратце), во-первых, изменения в организации и статусе французских группировок, продолжающих войну против Германии, которые могли на законном основании говорить от имени преобразованной Франции, и, во-вторых, сложные в прошлом взаимоотношения между советским правительством и движением «Свободная Франция» под руководством генерала де Голля.

Разные авторы достаточно полно описывали запутанные отношения различных французских группировок с правительствами Америки и Британии на ранней стадии. Поэтому я коснусь их только для того, чтобы сохранить целостность повествования.

В Северной Африке американские власти оказывали поддержку генералу Жиро в соответствии с секретным соглашением, заключенным между Рузвельтом и Жиро в Касабланке, на которое после пересмотра согласились британцы. Соединенные Штаты и Британия всячески препятствовали стремлению движения «Свободная Франция», руководимому де Голлем, взять на себя руководство вооруженными силами Франции и

административные функции в Средиземноморье. Несмотря на поставки оружия воюющим в самом центре Африки частям «Свободной Франции», американское правительство упорно сопротивлялось стремлению французов к независимости. Требования де Голля посчитали ошибочными, его вклад в войну незначительным, а его амбиции опасными. Кроме того, Рузвельт и Хэлл холодно относились к идее какой-либо централизации французской власти. Как объяснял Хэлл Идену во время визита в Вашингтон в марте 1943 года, их позиция такова, что «...сейчас не должно быть установлено никакой высшей политической власти для руководства французами. Не следует создавать временное правительство, проводить реорганизацию, любые политические действия должны быть сведены до минимума, диктуемого необходимостью».

Следует задаться вопросом, не рассматривал ли де Голль американскую стратегию как оппозиционно настроенную в отношении сплоченной и могущественной Франции. Несмотря на отказ вернуть обещанные территории, британское и советское правительства в 1940-м и 1941 годах в соглашениях со «Свободной Францией» давали обещание способствовать «...восстановлению полной независимости Франции».

Американское правительство не заключало договора с де Голлем по этому вопросу. Робер Мерфи, впоследствии американский консул в Алжире, руководивший действиями, обеспечивающими безопасность взаимодействия французских сил с американско-британскими силами, высадившимися в Северной Африке, в письме к Жиро от 2 ноября 1942 года, определявшем условия, на которых Жиро принимал командование над французскими силами на стороне союзников, писал: «...что касается заявлений, сделанных в различных случаях Рузвельтом, и обязательств, взятых как американским, так и британским правительствами, то в моем понимании вам должно быть обеспечено восстановление Франции, гарантирована независимость, бывшее величие и возврат довоенных территорий, как в Европе, так и за ее пределами. Это является одной из военных задач антигитлеровской коалиции. Совершенно ясно, что как можно скорее должен быть восстановлен суверенитет Франции над всеми территориями, метрополиями и колониями, над которыми в 1939 году развевался французский флаг. Правительство Соединенных Штатов рассматривает Францию в качестве союзника».

Это письмо было одобрено Эйзенхауэром.

Я не уверен, но оно, похоже, было представлено на рассмотрение Объединенному штабу и президенту. В докладе Эйзенхауэра Объединенному штабу от 8 ноября, после первых переговоров Эйзенхауэра с Жиро, говорится, что они с генералом Кларком «...оговорили Жиро поддержать нас, принимая в расчет предварительно оговоренные условия и на основании заверений в том, что президент признает суверенитет и территориальную целостность Франции».

В одном из пунктов соглашения между Рузвельтом, Черчиллем и Жиро говорилось, что «форма отношений между Францией и Соединенными Штатами Америки, послевоенные выводы на основании совместной борьбы Франции и Соединенных Штатов против Германии... определены в письмах, которыми обменялись перед высадкой консул Р. Мерфи, от лица президента Рузвельта, и Жиро».

Де Голль, похоже, не использовал эти заверения, данные Жиро, в качестве аргументов в переговорах с правительством Соединенных Штатов.

В свою очередь, правительство Британии продолжало поддерживать де Голля и благосклонно относилось к его концепции единовластия, которая могла выражать интересы Франции и направлять ее действия по всему миру. Впрочем, это не мешало британцам, когда они считали нужным, выступать против де Голля или игнорировать его.

В начале июня две основные группы Сопротивления объявили, что они объединяются во вновь образованный Французский комитет национального освобождения во главе с сопредседателями де Голлем и Жиро. Комитет провозгласил себя «центральной властью Франции». Это было всеохватывающее притязание на власть. «Комитет, – говорилось в их заявлении, – руководит всеми военными действиями

Франции. Следовательно, суверенитет Франции распространяется на все территории, не занятые врагом. Комитет принимает на себя управление и защиту интересов Франции во всем мире; узурпирует власть над территориями, наземными, морскими и воздушными силами, которые до настоящего времени подчинялись Французскому национальному комитету и главнокомандующему». Далее в заявлении говорилось, что «комитет передаст свои полномочия временному правительству, сформированному в соответствии с законами республики, как только будут освобождены территории метрополии или, в крайнем случае, после окончательного освобождения Франции».

После консультации с Черчиллем Рузвельт и Хэлл решили признать это соглашение и уведомили об этом французов. Выступая 8 июня в палате общин, Черчилль, поясняя принятое решение, объявил, что впредь британское правительство будет иметь дело с комитетом, и добавил, что «серьезный вопрос будущего – признание комитета в качестве законного представителя Франции. Правительством Британии и Соединенных Штатов придется рассмотреть этот вопрос. Но если все пойдет хорошо, я должен быть уверен, что решение, удовлетворяющее всех участников, будет вскоре достигнуто».

Соглашение явилось реальной причиной для объединения всех французских фракций и способствовало решению военных проблем. Теперь просто подразумевалось, что между собой они могут продолжать бороться, но уже сидя вокруг стола, а не находясь на большом расстоянии друг от друга. Первый серьезный вопрос заключался в том, должно ли быть позволено Жиро, как главнокомандующему, продолжать осуществлять руководство французскими вооруженными силами, или же он должен подчиняться приказам комитета. Суть обсуждения заключалась в том, что де Голль, так или иначе, собирался взять на себя руководство вооруженными силами, делая первый шаг к объединению военных и гражданских дел. На этом пути де Голль прибегнул к избитому, но сделанному из лучших побуждений приему, пригрозив уйти в отставку.

В это же время была завершена работа над планами высадки союзников на Сицилии, и в ближайшем будущем вставал вопрос о кампании в Италии. В связи с предстоящими операциями Эйзенхауэр понимал, что должен быть уверен в надежности личного состава военных баз в Северной Африке и рассчитывать на поддержку французских сил под командованием Жиро, которым мы поставляли оружие. Американское правительство откровенно заявило де Голлю, что не согласится со смещением Жиро с должности главнокомандующего военных сил в Северной Африке. Вот что говорилось в послании президента от 17 июня в адрес Эйзенхауэра относительно полномочий де Голля, Жиро и других членов комитета: «Позиция этого правительства состоит в том, чтобы во время оккупации Северной Африки под любым предлогом не допустить нас к управлению французской армией, которая не подчиняется главнокомандующему союзнических войск. У нас должен быть кто-то, кому мы полностью и безоговорочно доверяем. Мы бы ни при каких обстоятельствах не продолжили вооружение армии, если бы не были полностью уверены в ее готовности содействовать нам в военных операциях. Кроме того, мы не заинтересованы в формировании такого правительства (или комитета), которое позволяет себе указывать, что до тех пор, пока французы сами не выберут себе правительство, они будут руководить Францией. Когда мы войдем во Францию, они получают гражданское правительство, в полном согласии с французским суверенитетом...»

Второе условие президента заключалось в том, что контроль над Дакаром и Западной Африкой должен сохраняться за подразделениями, независимыми от де Голля из-за важности этих мест для проведения операций в Южной Атлантике и в Южной Америке.

Черчилль, его военные и гражданские советники также настаивали на необходимости этих условий, хотя в этот момент не были готовы, как Рузвельт, порвать с де Голлем, который в июне 1940 года выступил вместе с Англией против немецкой угрозы.

Несмотря на бурное негодование со стороны де Голля и его отказ подчиниться, 19

июня Эйзенхауэр представил ему совместные американско-британские условия. Двухнедельные перестановки у французов закончились 22 июня такой договоренностью. Жиро сохранял командование французскими силами в Северной и Западной Африке, а де Голль в остальных частях империи. Неожиданное заявление генерал-губернатора Западной Африки Бойсона об отставке, против которой настойчиво возражал Рузвельт, перебросило этот командный пункт в сферу влияния де Голля.

Макмиллан и Мерфи, британский и американский политические советники в Северной Африке, сделали вывод, что это новое соглашение соответствует указанию президента Эйзенхауэра и в этих обстоятельствах можно надеяться на благоприятный исход. Они рекомендовали согласиться с ним, но подчеркнули, что реальное единство не будет достигнуто, как показал случай, и не должно создаваться иллюзий относительно решимости де Голля управлять ситуацией. Американское и британское правительства придерживались заявления Эйзенхауэра, что, согласно договору, пока идут бои в Италии, французские силы в регионе будут подчиняться его приказам и распоряжениям. Они позволили французским антагонистам продолжать борьбу за осуществление контроля над верховным командованием и за политическое превосходство без прямого вмешательства. Французы возобновили прием членов в новый комитет, а для этого должны были поддерживать определенный характер взаимоотношений.

За развитием событий с интересом наблюдало советское правительство. Стоит упомянуть, что в прошлом советское правительство поддерживало активную связь с де Голлем. Как только Германия в июне 1941 года напала на Россию, де Голль протянул руку Советам под тем предлогом, что «...прежде чем философствовать, надо жить, то есть побеждать. России предоставляется возможность сделать это. В то же самое время ее присутствие в лагере союзников бросает сражающуюся Францию, как противовес, против англичан, которых я собирался использовать».

Несмотря на обвинения в свой адрес от движения «Свободная Франция», советское правительство с жаром ухватилось за полученное предложение. В сентябре 1941 года они обменялись письмами, в которых признавалось руководство де Голля и давались обещания относительно общей борьбы. Позже, в соответствии с сентябрьским соглашением 1941 года между де Голлем и Советским Союзом, советское правительство отозвало Богомолова, своего посла в правительстве Виши, и направило его в качестве представителя в комитет «Свободной Франции» в Лондон. Де Голль направил в Москву для налаживания контактов сначала военного представителя, генерала Пети, а затем, в феврале 1942 года, политического представителя комитета, Гаро, для налаживания отношений с Министерством иностранных дел Советского Союза.

Беседы де Голля и Молотова во время пребывания советского министра иностранных дел в Лондоне в мае-июне 1942 года на переговорах по условиям соглашения с Великобританией были важной дипломатической миссией. Как пишет де Голль в своих мемуарах: «Мы с советским министром иностранных дел достигли соглашения в том, какие действия в ближайшем будущем должны предпринять его правительство и Национальный комитет. „Свободная Франция“ должна заставить американских и британских союзников как можно скорее открыть второй фронт в Европе. Одновременно она должна оказать содействие путем дипломатических переговоров и публичных выступлений и покончить с долговременной изоляцией Советской России. Со своей стороны, Россия должна оказывать нам поддержку в Лондоне и Вашингтоне в наших усилиях по восстановлению единства империи... Франция и Россия договорились, что в дальнейшем будут совместно работать над формированием будущего мира».

Таким образом, советское правительство, в то время как американское и британское правительства все еще были против, всенародно признало за комитетом де Голля право представлять Францию. В опубликованном 27 августа заявлении говорилось о признании Французского национального комитета, который является «...представителем национальных интересов Французской Республики и руководит всеми французскими

патриотами, борющимися с гитлеровской тиранией, и в связи с этим произвести замену полномочных представителей».

Эти отношения с де Голлем не удержали Сталина ни от последующей сделки с Дарланом в Северной Африке, ни от решения задействовать генерала Жиро в качестве командующего французскими вооруженными силами, но «Свободная Франция» все еще использовалась Советами в качестве хлыста, погоняющего союзнические усилия на западе. Ни Сталина, ни де Голля, казалось, не смущала некоторая двуличность их союза.

В первые месяцы 1943 года, во время непрекращающейся борьбы между двумя французскими фракциями, представители «Свободной Франции» в Москве выливали потоки жалоб и подозрений на советских чиновников. Американцы и британцы не прикладывали никаких специальных усилий, чтобы держать Москву в курсе склок, происходящих между французскими фракциями – находящейся у власти и оппозиционной. Но, когда между французскими фракциями наметилось соглашение, британское правительство приступило к консультациям с советским и американским правительствами относительно возможности выработки общей позиции новой объединенной власти Франции. Советское правительство стремилось к немедленному признанию новой власти. Американское и британское правительства, по вполне объяснимым причинам, хотели выждать до тех пор, пока Эйзенхауэр не убедится, что за Жиро сохранится фактическое командование французскими вооруженными силами в Северной Африке. И хотя в это время Черчилль защищал принятые на конференции «Трайидент» решения от нападок Сталина, он все-таки отправил Сталину жесткое послание в отношении французской власти, приблизительно такого содержания: «Начиная с Алжира де Голль боролся за получение фактической власти над французской армией. Никто не может быть уверен, как он поведет себя и будет ли доброжелательно настроен к нам, если получит власть. Мы с Рузвельтом считаем, что де Голль может поставить под удар базы и коммуникации армий, которые должны участвовать в операции на Сицилии. Это неоправданный риск».

В ответе от 26 июня Сталин посчитал доводы в защиту затягивания признания Франции необоснованными. Однако, заявил он, учитывая требование британского правительства и выполнение им обязательств не предпринимать никаких действий без проведения предварительных консультаций, «...советское правительство готово удовлетворить пожелания британского правительства». Этот вежливый ответ заканчивался надеждой, что Черчилль «...примет во внимание интерес Советского Союза в отношении Франции и воздержится от передачи информации, полученной от советского правительства и необходимой для принятия соответствующих решений».

В этот же день, 26 июня, Майский, советский посол в Лондоне, объяснил Винанту, что его правительству хотелось бы немедленно отправить Богомолова (советского посла при правительстве в изгнании в Лондоне) дней на десять в Алжир для выяснения ситуации. Британское министерство иностранных дел дало понять Майскому, что это прерогатива Французского комитета национального освобождения и Эйзенхауэра. По мнению американского посольства, это посещение могло внести новый и, возможно, нежелательный нюанс в пока еще затруднительную ситуацию. Идеи пояснил Винанту, что они с Черчиллем рассматривают советский запрос как одну из военных задач и предлагают принять совместное с американцами решение, какой ответ следует дать советской стороне. 29 июня Винант получил инструкцию передать Идену, что американское правительство придерживается такой же точки зрения в отношении этого вопроса и предлагает объяснить Майскому, что, хотя Эйзенхауэр будет рад предоставить любую информацию, все-таки будет лучше, имея в виду общие военные интересы, отложить визит Богомолова в Алжир. Спустя несколько дней, 2 июля, Молотов пожаловался на это послу Стэндли. Советский премьер-министр опять принялся доказывать, что советское правительство не знает, что происходит в Северной Африке, и не понимает, почему нельзя послать туда своего представителя. Советский поверенный в

делах в Вашингтоне допытывался у Хэлла о причинах отказа. Государственный секретарь откровенно объяснил ему, что американское и британское правительства опасаются, что неожиданное появление советского дипломатического представителя в Северной Африке в этот критический момент может внести разлад в отношения с Францией и помешать приближающемуся вторжению в Италию. Советское правительство решило подождать до окончания операции на Сицилии.

В тот момент все три члена коалиции почувствовали необходимость положить конец ссорам. Когда впоследствии Шервуд читал записи Гопкинса, рассказывающие о периоде разногласий в июне-июле, они напомнили ему обстановку перед подписанием пакта Молотовым и Риббентропом в августе 1939 года, когда вновь возникла опасность русско-германского союза.

Кто мог с уверенностью сказать, действительно ли Сталин и его советники рассматривали возможность продолжения союза с Западом? В некоторых журналистских статьях упоминаются отдельные секретные инициативы Москвы и косвенные попытки выяснить, что могло из этого получиться. Хотя найденные мною документы содержат только намеки и незначительные детали, не имеющие достаточных оснований для того, чтобы подвергнуться историческим исследованиям. Советский Союз искренне возмущался действиями Запада, но это чувство не было глубоким и, кроме того, сдерживалось перспективой окончательной победы в союзе с Западом. Я уверен, что в тот период военная коалиция сплотилась еще крепче, но только до той поры, пока между союзниками не встала победа.